

М.Х. ИДЕЛЬБАЕВ

доктор филологических наук, профессор
Башкирский государственный университет

ОБРАЗ САЛАВАТА ЮЛАЕВА В БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Статья посвящена системе жанров в изустной литературе. Основные жанры авторской изустной поэзии тюркских народов носят одноименные названия с фольклорными жанрами, но в их природе имеются значительные отличия. В частности, первые имели признаки творческой индивидуальности; объекты их изображения были более близкими к реальной действительности, они затрагивали самые злободневные, безотлагательные и в то же время вечно не устаревающие общечеловеческие проблемы жизни.

Естественное расчленение изустной словесности на жанры началось еще в древности. Формирование системы жанров и жанровых форм протекало в зависимости от социально-исторических условий, процесса изменения вкусов, духовных потребностей аудитории. Башкирские йырау и сәсэнәи чаще всего обращались к айтышу, кубаиру, эпосу, песне, отчасти – баити.

Ключевые слова: Изустная литература, эпос, кубаир, толгау, ундеу, Башкирские йырау и сәсэнәи.

Образ национального героя башкирского народа и поэта-импровизатора Салавата Юлаева (1754–1800) в письменной художественной литературе начал создаваться, опираясь на традиции фольклора и изустной поэзии, отдельные жанры которых, в частности, народные песни и кубаиры, обратились к теме Салавата еще при его жизни. Например, в песенном тексте из 12-ти четверостиший, зафиксированном на бумаге в 1785–1792 годах, вместе с мотивом сочувствия и тоски по побежденному и сосланному на каторгу воину, с любовью воссоздан образ величественного героя: когда Салават поднимается в бой, «сложив головы по шестисот вражеских солдат»; когда он выступает с речью, «враги его дрожат» [1, с. 123]. Поскольку народ при обращении к образу Салавата Юлаева отдавал предпочтение поэтическим жанрам, в письменной литературе салаватская тематика также заняла место в преимущественно поэзии. Стихотворение Ш.Бабича «Салават батыр», написанное в 1918 г., стало первым поэтическим произведением в башкирской литературе о национальном герое, в нем в традициях кубаира воспеваются героические качества Салавата, сравнивая его со сказочным непобедимым великаном, львом и живой отвагой. В 20–30-х годах последователями Ш.Бабича стали Б.Валид, Абус, К.Даян и С.Исмагилов. Стихотворение Б.Валида «Марш Салавата», написанное в форме призыва,

стало популярной маршевой песней (мелодия композитора Х.Ибрагимова), слова долгое время считались народными. В поэтических произведениях того времени преобладали мотивы восхищения именем Салавата, описание красот природы его родного края, абстрактные размышления о героизме. Стремление к разностороннему раскрытию духовного мира, природы величия и героизма Салавата Юлаева, философского обобщения его полководческой деятельности наблюдается в поэзии 50–70-х годов. Народный поэт Башкортостана Р.Нигмати, который осуществил к 200-летнему юбилею Салавата Юлаева художественный перевод на башкирский язык с подстрочника Давлетчина (1868) [2, с. 5–20]. 7 его поэтических текстов, опубликовал в 1952 г. стихотворение «Товарищ Салават», где говорится, что имя Салавата в течение двух столетий борется вместе с народом за свободу, оно в годы Великой Отечественной войны вдохновляло к победе, сам он ныне является нашим современником. «Монолог города Салавата» А.Игебаева построен в виде монолога-раздумий города о своем имени и о Салавате, где с гордостью заявляется: «Мое имя – призыв и набат, и победа, и жизнь, и тревога...») [3, с. 176]. В стихотворении «Разговор с Салаватом», состоящем из трех частей, А.Атнабаев поэтизирует отсутствующую могилу батыра как признак его бессмертия, размышляет о полярных качествах героя и поэта, воплощенных в легендарной личности. Н.Наджми («Два всадника»), сравнивая памятники Петру Первому в Санкт-Петербурге и Салавату Юлаеву в Уфе, приходит к философскому обобщению о том, что один из этих двух выдающихся личностей «великой царицей (Екатериной II – М.И.) отлит из бронзы на века», «другого в кандалах в темницу ее же бросила рука» [4, с. 17]; тем не менее Салават, воскресший из глубин веков в памяти своего народа, взмыл выше царей. В те годы к теме Салавата Юлаева обратилась также целая плеяда известных поэтов – Р.Гарипов, К.Киньябулатова, Г.Рамазанов, М.Гали, Г.Амири, З.Бишева, Х.Гилязов, Я.Кулмуй, Ю.Гарей, Р.Назаров. Восемнадцатилетний Р.Назаров писал, что исторические события, происходившие на территории Башкортостана, «если они сегодня земле дают тепло», не забываются; все они – «нынешние», в том числе и стрела Салавата, которая когда то вонзилась на почву, оказавшейся на нашей ладони» [5, с. 198] («Нынешнее»). В 70 – 90-х годах поэты стремились воссоздать образ Салавата Юлаева в лиро-эпическом жанре: одна за другой появились поэмы «Рана батыра» К.Аралбая, «Юрюзань» Г.Шафикова, «День ответа» Ф.Тугузбаевой. К.Аралбай полководческую деятельность Салавата оценивает через призму современности. Поэма построена как поэтическая интерпретация стихотворений поэта, документов, народных песен и других материалов о нем. Рана героя ассоциируется как боль и страдания народа. Эпиграфом к «Юрюзани» послужила последняя строфа из названного стихотворения Ш.Бабича, переведенного на русский язык самим же Г.Шафиковым. Поэма

представляет собой синтез эпического повествования и лирико-философских размышлений автора на фоне описания красот Юрюзани. Ф.Тугузбаева образ народного героя дает в параллели с образом верного властям старшины Кулуя Балтачева, который выступает в роли палача и противника Салавата. В поэме использованы народные песни, легенды и предания о батыре, лейтмотивом послужили отдельные эпизоды из эпоса «Урал батыр».

В связи с открытием в 1968 г. памятника Салавату Юлаеву позднее была написана серия стихотворений Р.Шакура, И.Киньябулатова, С.Алибаева, Г.Давляди, Г.Юнусовой, Ф.Кузбекова, Р.Ахмадиева, Д.Булгаковой, Р.Хайри в честь монументального металлического всадника. В них, как правило, описывается памятник, Салават предстает перед читателем освободившимся от цепей оков, летящим на коне «от столетия к столетию», вернувшимся через горы на родной Урал и находившим пристанище на скале Агидели. И.Киньябулатов («Вернулся батыр на родную землю») видит в памятнике живого всадника – Салавата, который сегодня встал на передний край с неотложными заботами времени. «Ты неподвластен времени, – размышляет Р.Хайри, – скачешь верхом из прошлого к будущему на коне, именуемом – Память» [6, с. 227] («Наследие моего народа»). В стихотворениях Р.Бикбаева, З.Султанова, С.Алибаева, посвященных родной земле батыра, подчеркивается, что здесь каждая вещь, каждое явление связаны с Салаватом; густой молочный туман – словно его белая рубашка, деревья и горы – его ровесники, птицы здесь поют его песни, сверкание молнии на небе – пущенная им стрела и т.д. В 90-е годы появились стихотворения, затрагивающие тему последнего пристанища Салавата Юлаева – г. Палдиски Эстонской республики. Т.Юсупов, Асылгужа, Т.Ганиева, Т.Давлетбердина, Р.Султангареева, Р.Ахтари и др. выражают чувство благодарности «стране эстонов», которая не пожалела гранита для постаamenta памятника в г.Палдиски, называют эту землю священной, поскольку здесь покоится прах героя; передают свои раздумья и переживания в связи с посещением места каторги Салавата. В последнее время образ батыра наводила авторов на размышления о связи времен и поколений.

Для башкирских прозаиков в создании образа Салавата Юлаева примером для подражания стали русские писатели, обратившиеся к теме пугачевского движения еще с первой половины XIX в., начиная с А.С.Пушкина. После его «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки», в частности, образ легендарного башкирского батыра изображен в романе видного русского писателя Д.Н.Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы», в его повести «Охонины брови» и рассказах «Байгуш», «Горная ночь», в исторических эпопеях Г.П.Данилевского «Черный год» («Пугачевщина») и Е.А.Салиаса-де-Турнемир «Пугачевщина» (XIX в.), в романах «Емельян Пугачев» В.Шишкова, «Каменный пояс» Е.Федорова, «Салават Юлаев» С.Злобина. В башкирской прозе первое произведение

малой формы появилось в журнале «Сэсэн» в 1926 году. Это был рассказ Х.Абдрашитова «Салават», рассказывающий о последних днях батыра на свободе. В качестве эпиграфа использовано доселе не известное четверостишие из народной песни о Салавате. В центре событий – преследуемый врагами батыр одиноко борется со стихией за выживание: прогоняет стаю голодных волков, в безнадежном положении противостоит морозной стуже. Земляки Салавата, несмотря на страшные телесные истязания людьми поручика Лесковского с целью заставить их указать его местонахождение, один за другим погибают, не выдавая своего предводителя; оставшийся в живых Хусаин тайком помогает Салавату удалиться из этой опасной зоны. Судя по тексту, автор неплохо владел художественными приемами малой прозы, своеобразным стилем и приемами изображения. К сожалению, впоследствии имя его затерялось, других произведений он не оставил. После него салаватская тематика в прозе освещалась весьма робко: до 90-х годов XX в., за исключением рассказов-сказаний А.Вахитова «Мост Салавата» и Н.Идельбая «Камень Салавата», написанных по мотивам народных легенд и преданий, не появилось ни одно произведение малого, среднего и крупного эпического жанра. Лишь на рубеже XX – XXI вв. друг за другом увидели свет историко-документальное повествование М.Идельбаева «Сын Юлая Салават», романы Я.Хамматова «Салават», Асылгужи «Возраст Салавата», повесть Б.Рафикова «Оседланный конь», а также рассказ С.Шарипова «Монолог Салавата» и очерк Т.Сагитова «Памятник». Я.Хамматов хроникально описывает жизнь Салавата с юношеского возраста до последних дней в крепости Рогервик. Роман состоит из трех частей. В первой части речь идет о событиях кануна Пугачевского восстания. Наиболее значительные эпизоды – приезд на землю шайтанкудейцев Петра и Андрея Рычковых, академика из Санкт-Петербурга Петра Симона Палласа, женитьба Салавата изображены, больше опираясь на авторский художественный вымысел. Вторая и третья главы охватывают два этапа Крестьянской войны. Рассказывается о присоединении отрядов Салавата Юлаева к армии восставших под Оренбургом, осаде им Кунгура и совместных действиях с Пугачевым летом 1774 г., самостоятельном движении Салавата Юлаева летом и осенью на территории Башкортостана, его пленении, наказании, отправке на каторгу и пребывании в неволе до последних дней. В романе широко использованы фольклорные источники. В описании событий обнаруживается также заметное влияние романа С.Злобина «Салават Юлаев» и одноименного кинофильма, выпущенного на экраны страны в 1941 г. Большое место Салавату отведено во второй и третьей книгах романа Г.Ибрагимова «Кинзя». Увлекательно рассказано о детстве героя, об исполнении им должности старшины Шайтан-Кудейской волости во время нахождения Юлая Азналина в польском походе в 1772 – 73 гг., изображен ряд эпизодов успешных боевых действий отрядов Салавата

Юлаева. В романе Асылгужи повествуется о событиях третьей четверти XVIII в. в Башкортостане. Освободительная борьба башкирского народа под предводительством Салавата Юлаева воссоздана на фоне общественно-политической и социально-культурной жизни страны. Повесть «Оседланный конь» посвящен каторжному периоду жизни героя. Этим произведением Б.Рафиков положил начало новой жанровой форме в башкирской прозе, которую он назвал «историческая догадка». В произведении события 6 марта 1790 г. в Балтийском порту преподносятся с точки зрения догадок – художественных вымыслов автора: шведским фрегатам, нападавшим на Рогервик, отпор был дан якобы силами узников-пугачевцев во главе с Салаватом. На догадках построено также параллельное повествование о встрече двух сыновей Салавата на его родине – Романа, воспитывавшегося у генерала Фреймана, и Етембая, волею случая оказавшегося у старика Акмала. Основные события, происходящие в крепости, завершаются в повести тем, что пугачевцы после совершения подвига снова оказываются в неволе. Рассказ С.Шарипова и очерк Т.Сагитова также затрагивают тему Рогервика. В «Монолог Салавата» раздумья батыра у Балтийского моря сопровождаются лейтмотивом внутренних сомнений о том, прав был он, поднимая народ в грозное, неравное побоище за свободу, или нет. И приходит к выводу – пусть приговор вынесет народ, его слово будет самым справедливым. В «Памятнике» в форме дневника освещается поездка в 1988 г. общественной делегации из Башкортостана в г. Палдиски для участия в торжественном открытии памятника Салавату Юлаеву.

История создания сценического образа Салавата Юлаева тесно связана с историей башкирской драматургии. В 1919 г. с образованием первого государственного театра в г.Стерлитамаке в его репертуаре появляется драма Ф.Сулейманова (Абдулкадира Инана) «Салават батыр». Это – первое сценическое произведение в башкирской литературе о национальном герое. В 20-е годы эта драма была подвергнута критике за якобы идеализацию прошлого, проникнутость националистическим духом и снята с репертуара. В 1924 г. на нее обратил внимание Сагит Мирас и с некоторыми поправками снова предложил в репертуар театра, а затем опубликовал от своего имени. Так мог он поступить либо по острой нехватке национальных драматических произведений в репертуаре, либо по подсказке руководящих органов республики. Новый вариант драмы о Салавате Юлаеве, как и первый, не избежал критики в периодической печати того времени. В частности, в статье Н.Исанбета в газете «Башкортостан» от 13 декабря 1923 г. автор незаслуженно обвинялся в допущенных в пьесе идеологических противоречиях. Драма С.Мираса, созданная на основе одноименного произведения Ф.Сулейманова, хотя и имела погрешности в художественном отношении, в определенной степени удовлетворяла потребности тогдашних читателей и зрителей.

30 октября 1926 г. на сцене Башкирского государственного драматического театра состоялась премьера драмы Даута Юлтыя «Салават». До второго показа 30 ноября того же года автор, учитывая замечания и пожелания рецензентов, успевает внести некоторые поправки. В 1927 г. драма под названием «Пугачев и Салават» показывается в Москве. После выхода в 1929 г. в свет книги С.Злобина «Салават Юлаев» Д.Юлтый работает над окончательным вариантом драмы. Полубившееся зрителям сценическое произведение о национальном герое до 1935 г. ставится на сцене около 150 раз и получает положительную оценку в периодической печати. К сожалению, эта драма не публиковалась и текст ее не сохранился.

Баязит Бикбай над созданием образа Салавата Юлаева на сцене работал в течении нескольких лет. Приступил к нему в 1938 г. вместе с поэтом Г.Салямом. Вдвоем создают драму «Салават», которая в конкурсе, объявленном Союзом писателей БАССР и Управлением по делам искусств республики, получает призовое место. После смерти Г.Саляма Б.Бикбай продолжает трудиться над совершенствованием этого произведения. Сначала переделывает как драматическую поэму, а в течении 40-х – как либретто оперы. В итоге совместной работы с композитором З. Исмагиловым премьера оперы «Салават Юлаев» состоялась в апреле 1955 г. в Башкирском государственном театре оперы и балета. Образ Салавата дан в диалектическом развитии, в тесной связи с народом. В начальных эпизодах произведения имя и дела Пугачева его не интересуют. Лишь обратив внимание на народную молву и на слова зажиточных Кулуя Балтачева и Султана, выслушав советы мудреца Сурамана, приходит к заключению, что его дальнейший путь – вместе с Пугачевым. В дальнейшем представители русского населения Иван Багров и Архип Туманов становятся его близкими друзьями, братьями по оружию. Салават Юлаев раскрыт довольно удачно как предводитель и национальный герой, способный повести за собой народные массы. «Салават Юлаев» Б.Бикбая стал этапным явлением в создании на сцене образа народного героя.

Трагедия «Салават» (1971 г.) имеет форму чередование яви и сновидений («имеет подзаголовок «Семь сновидений сквозь явь»), построена на весьма сложной композиции. Последовательность событий не подчинена хронологии: сначала эпизод казни Салавата после поражения восстания – его раздумья в неволе – стан Пугачева в Бердах – одна из самых грозных моментов сражений – опять неволя – Балтийская крепость. Но образ Салавата предстает перед зрителем в последовательном развитии и во всей полноте. Чередование яви и сновидений в сознании введенного автором образа Поэта дало возможность показать героическое прошлое народа в неразрывной связи с сегодняшним днем и преподнести это в приподнято-романтическом и глубоко-философском плане. Необычная форма произведения наделила образов большой значимостью их содержания. Скажем, образ Поэта

Идельбаев М.Х. Образ Салавата Юлаева в башкирской литературе...

параллельно выступает и как символ духовной близости современного с Салаватом и его эпохой. Палач воплощает в себя всех врагов, стоящих между Байыш-тарханом и царицей. Яркими представителями своего социального слоя выступают Гульназира, Петр, Илеш и др. Салават представляет собой не только образ национального героя и поэта, но и вобрал в себя понятия истории, современного и вечности. В силу этого эпизод постепенного ухода Салавата в глубь моря в финале трагедии дает возможность трактовать не как попытку покончить с собой, а удаление его во вечность. То есть, если говорить словами образа Поэта: «Если мы живы, значит, и он – живой» [7, с. 176].

Среди тюркоязычных народов заметный вклад в увлечение имени башкирского национального героя через художественное слово внесли писатели и ученые Казахстана. Сначала надо отметить, что поэзия Салавата Юлаева опиралась на общие традиции казахских и башкирских йырау, акынов и сээнов. Как известно, средневековые йырау Асан Кайгы, Казтуган и Шалгииз, как и Салават Юлаев и казахский акын XIX в. Махамбет Утемисов, одновременно были отважными воинами-полководцами. Не случайно их размышления о природе героизма оказывались весьма созвучными. Скажем, поэтическое клише Шалгииза (XVI в.), начинающееся словами «Ялп-йолп иткэн ябалак...» («Сова, которая быстро машет крыльями...») позднее перекочевало в стихотворное воззвание Салавата «Присоединяясь к Пугачеву...» Мотив приравнивания Шалгиизом пламенного слова йырау и сээна к деяниям батыра находим также в поэзии Салавата. (Шалгииз: “Ғаділ төре ел бастар, батыр жігіт жау бастар, аға жігіт кол бастар, шешен адам сөз бастар” – “Справедливый начальник будет во главе страны, батыр джигит будет во главе сражения, старший джигит во главе войск, сэсэн будет иметь первое слово”. Салават: “Батырмын, тип кем әйтмәй, - яу килгәндә йүне юк; сэсэнмен, тип кем әйтмәй, - дау килгәндә өнө юк”. – “Кто не именует себя батыром – но если с него нет толку на поле битвы; кто не называет себя сээном – но если не слышно его голоса при несчастье” [8, с. 77. Весьма созвучны отдельные мысли и выражения Салавата со словами легендарного Коркута (Салават: «Там, где ястреб не летает, на заре пробьется сокол»; «Высоко летает в небе ворон, еще выше сокол ввысь взмывает». У Коркута: «Орел, султан всех птиц – летит он близко к всемогущему великому богу...» [9, с. 68]. Очень примечательно, что в XX в. веке вновь найденные поэтические произведения Салавата Юлаева в полном объеме впервые увидели свет отдельной книгой в Алма-Ате на казахском языке (в 1983 году – намного раньше, чем в Башкортостане) под названием «Жорык жырлары» («Походные песни») в переводе Б. Аманшина.

А вообще образ Салавата Юлаева в литературе тюркоязычных народов начал создаваться с 40-х XX в. В трагедии чувашского поэта Я.Ухсяя «Тудимир» (1940) заглавный герой рассказывает своим сородичам о башкирах, в стране которых вновь нарушен мир, они присоединились к Пугачеву, «их предводитель – беркут молодой, среди которых – самый смелый, удалой, сын старшины Юлая – Салават» [10, с. 101]. Его слова дошли до чувашского народа и их души огнем борьбы зажгли. В поэзии тюркоязычных народов, за исключением татарской, авторы обратились к образу Салавата Юлаева в целом в стихотворениях, посвященных Башкортостану и башкирскому народу. Они в основном создавались в связи с юбилеями, днями литератур, праздниками и другими событиями, связанными с Башкортостаном, с приездом гостей из других регионов страны. Савва Тарасов (Якут-Саха) в стихотворении «Башкирским друзьям» ликует, что «сам Салават вышел встречать» гостей [11, с. 130]. Тот же мотив повторяется в стихотворениях «Привет всем» Салу Машакова (Казахстан), «Уфа» Ахмета Рашитова (Татарстан), «Я привез тебе привет» Адама Шогенцукова (Кабардино-Балкария). Ряд поэтов называет жителей Башкортостана потомками Салавата («Агидель» Таира Жарокова, «Здравствуйте» Турсунхан Абдрахмановой – Казахстан, «Мустаю Кариму» Эркая Никула – Мордовия, «Преклоняю голову» Василия Давидова-Антари – Чувашия). В некоторых стихотворениях герои и воины – представители других народов приравниваются Салавату и башкирским воинам. Марийский поэт Миклай Казаков пишет, что «С Салаватом скакал полководец Янбаев, бил врагов наш онар, страх и смерть презирая» («Башкортостану братский наш салам»). Упомянутый Янбаев – участник пугачевского движения, о котором Салават Юлаев в своем ответе на допросе в Москве 25 февраля 1775 г. говорил, что «черемиса (марийца – М.И.) Изибая Янбаева назначил полковником, чтобы он только командовал черемисами и их бы другие иноворцы обидеть не могли» [12, с. 319]. Казах Сагинбай Сайтов утверждает, что близнецы-батыры Махамбет Утемисов и Салават, их слова – общее завещание для других народов («Башкортостан – Бауырстан»). По чувашу Михаилу Юхме – «Тудимир и славный Салават – беркуты чувашей и башкир» [13, с. 31] («Раздумья у памятника Салавату»). Чуваш Порфирий Афанасьев передает привет Салавату от Чапая («Вечная дружба»). Лирический герой Петра Ялгира вместе с башкиром-Идельбаем, играя на башкирском и чувашском национальных инструментах – курае и горне – поют песню о Салавате («Голос единой дружбы»). Алексей Бутолин пишет, что во время пугачевского движения национальные музыкальные инструменты башкир и удмуртов курай и чипчирган одинаково вдохновляли воинов: «Внимал кураю всадник Салавата, зов чипчирган слушал Ядигар» («Курай и чипчирган»). В стихотворениях, посвященных Башкортостану, упоминали Салавата Юлаева

Идельбаев М.Х. Образ Салавата Юлаева в башкирской литературе...

также Гульшат Зайнашева, Шараф Мударис, Радиф Гаташ (Татарстан), Габбас Жумабаев (Казахстан) и др.

Кроме того, небольшая группа поэтов опубликовала стихотворения, специально посвященные национальному герою башкирского народа. В первую очередь, это – представители территориально ближайшего нам Татарстана – Хасан Туфан («Умер, говорим в Прибалтике»), Махмут Хусаин («Салават»), Ренат Харис («Прощание с памятником Салавату»), Сажида Сулейманова («Памятник Салавату») связывали свои философские раздумья о нем с памятником в г.Уфе. Роберт Миннуллин («В музее Салават Юлаева в Малоязе») время, личность и деятельность Салавата сопоставляет с современностью. Стихи казаха Сырбая Мауленова («Думы на рассвете»), чуваша Михаила Юхмы («Раздумья у памятника Салавату») кабардинца Максима Геттуева («Салават батыр») также посвящены памятнику Салавату Юлаеву.

Таким образом, величественный образ Салавата Юлаева с начала XX столетия по сей день занимает достойное место во всех основных жанрах башкирской литературы и поэзии тюркоязычных народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фатхи А.* Новый литературный документ борьбы за свободу // Казан утлары. - 1967. - С. 120-123 (на тат. яз.).
2. *Игнатьев Р.Г.* Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор. - Казан. 1894. -40 с.
3. *Игебаев А.* Монолог города Салавата // Наш Салават. - Уфа, 1982. - С. 176-178.
4. *Наджми Н.* Сочинения: В 3-х томах. Т.2. - Уфа, 1976. - 238 с. (на башк. яз.).
5. *Назаров Р.* Сочинения: В 2-х томах Т. 1. - Уфа, 2002. - С. 197-198 (на башк. яз.).
6. *Хайри Р.* Яркой молнией я был. - Уфа, 2000. - 328 с. (на башк. яз.).
7. *Карим М.* Сочинения. В 5-и томах. Т.4. - Уфа, 1972. - 416 с. (на башк. яз.).
8. *Казахская поэзия XV – XVIII вв.* – Алма-Ата, 1982 (на казах.яз.).
9. Книга моего деда Коркута – М., 1962.
10. *Ухсай Я.* Салават зовет к борьбе // Наш Салават. – Уфа, 1982. – С. 100-101.
11. *Тарасов С.* Башкирским друзьям // Привет тебе, Башкортостан. - Уфа, 1982. - С. 129-130 (на башк. яз.).
12. Крестьянская война 1773-1775 гг. на территории Башкирии: Сборник документов. - Уфа, 1975. у-496 с.
13. *Юхма М.* Раздумья у памятника Салавату // Привет тебе, Башкортостан. - Уфа, - 1984. - С.31 (на башк. яз.).

ТҮЙНДЕМЕ

Мақала ауыз әдебиетінің жанрлық жүйесін зерттеуге арналған. Түркі халықтарының негізгі ауыз әдебиетіндегі авторлық поэзия жанры фольклорлық жанрлармен бірдей аталғанымен, оның табиғатында айтарлықтай өзгешеліктер бар. Өсіресе шығармашылық тұлғаның өзіне тән ерекшеліктер – олардың шығармалары нақты шындыққа етене жақын, олар өмірдің ең өзекті, кейінге шегеруге болмайтын және сонымен бірге мәңгілікке кететін жалпыадамзаттық мәселелер арқау болады.

Ауыз әдебиетінің жанрларға бөлінуі ерте дәуірлерден-ақ басталған. Жанрлар жүйесінің және жанрлық түрлердің қалыптасуы елдің әлеуметтік-тарихи жағдайларына, сондай-ақ аудиторияның талғамдық өзгерістеріне және рухани қажеттілігіне байланысты жүзеге асқан.

(М.Х. Идельбаев. Түркі тілдес халықтар әдебиеті және башқұрт әдебиетіндегі Салават Юлаев бейнесі)

SUMMARY

The article is devoted to the system of genres in Oral Literature. Major genres of poetry Oral author Turkic peoples are of the same name with folk genres, but their nature are significant differences. In particular, first showed signs of creative individuality, objects of their images were closer to reality, they touched on the most pressing, urgent, and at the same time is not always aging human problems of life.

Natural partition of Oral literature in genres began in ancient times. Formation of the system of genres and genre forms proceeded according to the socio-historical conditions, the process of changing tastes, the spiritual needs of the audience.

(Idelbayev M.Kh. Image Salavat Yulayev in bashkir literature and literature of turkic peoples)

ÖZET

Makalede folklorün janr (şekil) sistemi araştırılır. Halk edebiyatı erken zamanlardan janrlara ayrılmıştır. Bu ise halkın sosyal durumu ve tercih özellikleriyle doğrudan ilişkilidir. Başkurt destanları çoğunlukla atışmayı, kubayrayı, destanı ve şiiri tercih etmişler.

(İdelbayev M.N. Türk halkları edebiyatı ve Başkurt edebiyatındaki Salavat Yulayev)